

—

Меч Янь Чангэ оставался в ножнах непозволительно долго — до пяти часов утра следующего дня. Лишь когда Цюй Лянь со слезами на глазах взмолился о пощаде, он отпустил несчастные «ножны» и замер рядом, не сводя глаз с крепко заснувшего юноши.

Чангэ вошел в ножны примерно в 23:50. Он был мечом честным и основательным: раз уж вошел, то не привык останавливаться на полпути, пока весь клинок не скроется внутри. А поскольку с новыми ножнами они еще находились в периоде притирки, он методично и глубоко прорабатывал каждое движение, стремясь к тому, чтобы ножны как можно скорее привыкли к его остроте и несокрушимости.

Кхм, в общем, Цюй Лянь в итоге сам не понял, то ли он лишился чувств от изнеможения, то ли просто провалился в сон от усталости. Он проспал беспробудно до самого полудня. Когда же он открыл глаза, Янь Чангэ рядом по какой-то причине снова превратился в меч, а сам Цюй Лянь чувствовал себя невероятно бодрым.

Странно... что-то тут не так.

Хотя Цюй Лянь раньше лишь нанимал актеров для вида, по его многолетнему опыту вращения в сомнительных кругах, после пяти-шести часов подобной «тренировки» тело нормального человека должно было болеть в каждой мышце, особенно в пояснице и одном труднодоступном месте. А если не привести себя в порядок, то ощущения должны быть липкими и крайне неприятными.

Но там всё было на удивление чисто. Только кожа из-за ночного пота казалась немного липкой, так что стоило принять душ.

Цюй Лянь проигнорировал сияние, исходящее от клинка, выбрался из постели, накинул халат и сделал пару упражнений. Состояние было превосходным — лучшим за всю жизнь. Даже после самого крепкого сна он никогда не чувствовал такого прилива сил.

Это определенно было связано с Янь Чангэ. Цюй Лянь подумал, не вернулся ли тот в облик меча из-за того, что отдал ему слишком много жизненной силы. При этой мысли остатки его недовольства улетучились. Он коснулся эфеса, и клинок тут же отозвался чистым звуком «цзэн—», словно отвечая на ласку.

«Я в душ, ты со мной не пойдешь?» — спросил Цюй Лянь.

Меч слегка дрогнул. Цюй Лянь понял, что тот поглощает энергию солнца и луны в своей истинной форме, поэтому не стал мешать и ушел мыться один.

Стоило двери в ванную закрыться, как меч мгновенно принял человеческий облик. Янь Чангэ сел на кровати, поглядывая на дверь: похоже, Цюй Лянь не сердился.

Янь Чангэ понимал, что прошлой ночью перегнул палку и измотал парня. Он хотел сдерживаться, но недооценил самоконтроль «меча-девственника» с двухтысячелетним стажем. Перед лицом возлюбленного сохранять невозмутимость может только щит, но никак не тяжелый меч.

Он знал, что Цюй Лянь тает перед его истинной формой, поэтому превратился в меч до того,

как тот проснулся, и даже специально издал призывный звон, чтобы задобрить его. Но, судя по всему, Цюй Лянь был доволен — значит, такие радостные дни в будущем могут стать регулярными.

Янь Чангэ, никогда прежде не знавший мужских радостей, сейчас был настолько счастлив, что готов был вылететь в окно и начать рубить всё подряд. К счастью, он был мечом степенным. Мастер Нин Лицзы ковал его как тяжелый боевой клинок, а не как легкомысленную гибкую шпагу, которую носят на поясе для красоты. Он совладал со своими желаниями и спокойно ждал выхода партнера.

Выйдя из душа, Цюй Лянь увидел Янь Чангэ уже в человеческом облике. Он присел рядом с ним с озадаченным видом: «Слушай... у меня есть вопрос, не знаю, стоит ли спрашивать».

«Мы теперь единое целое, к чему эти церемонии?» — Янь Чангэ взял влажную прядь его волос. Травяной аромат шампуня ему очень нравился.

Цюй Лянь после ванны волновал его еще сильнее; Янь Чангэ мысленно зафиксировал в себе это новое чувство.

«Тогда скажу прямо», — Цюй Лянь всё еще выглядел смущенным. — «Я уверен, что ты меня не мыл, но внутри... чисто. Хотя я помню, что ночью ты «выдал» довольно много. Куда всё делось?»

«Твое тело всё впитало», — ответил Янь Чангэ без малейшего стеснения. — «Мое превращение после Небесной Кары — это переход из количества в качество. Хотя это и кажется чудом, произошла видовая трансформация. До Кары человеческая форма была лишь оболочкой, теперь же это настоящее тело. А раз оно настоящее, в нем есть всё, что должно быть у человека. С той лишь разницей, что я намеренно контролировал себя, не давая утекать истинной ци, состоящей из жажды крови. Вместо этого я направил в тебя чистую энергию, преобразованную из моих заслуг. Я человек и не-человек одновременно. Хотя произошли качественные изменения, некоторые вещи у меня отличаются от людских. Будучи насыщенными энергией ци, они легко усваиваются твоим организмом. В общем, это очень полезная штука, поэтому мне было жаль смывать её вчера, я ждал, пока ты всё впитаешь».

Цюй Лянь: «...»

Почему Янь Чангэ умудряется объяснять даже такие вещи столь «научно»?

На его лице застыло немое изумление. Янь Чангэ, находя это крайне милым, поцеловал его в щеку и прошептал: «Твое состояние сейчас лучше, чем вчера. Вчера ты продержался пять часов, сегодня, возможно, осилишь восемь. Цель в три-пять лет уже не за горами».

Цюй Лянь: «...»

«Нет!» — увидев, что Янь явно намерен продолжить «терапию», Цюй Лянь уперся руками в его грудь.

Янь Чангэ слегка нахмурился: «Почему?»

Цюй Лянь почувствовал, что сегодня не только тело в норме, но и мозг работает на повышенных оборотах. Он вовремя проглотил фразу «мы в гостях у дяди, нельзя безобразничать» и выдал: «Ты сам сказал, что эта энергия берется из твоих заслуг. А их у тебя не настолько много, чтобы ими разбрасываться, верно? Излишества вредны и людям, и мечам».

«Что ж...» — Янь Чангэ вздохнул. — «Ты прав. Это я виноват, заработал слишком мало заслуг, заставляю тебя страдать».

«Никаких страданий, ни капельки!» — Цюй Лянь сжал его руку и проникновенно произнес: «Быть с тобой — мое самое большое счастье. Говорить о страданиях в такой момент — значит гневить небеса».

Услышав это, Янь Чангэ расслабился. Они еще немного пообнимались, после чего, не в силах оторваться друг от друга, вышли из комнаты, чтобы поздравить родных с Новым годом.

Цюй Лянь украдкой вытер пот со лба.

Когда они спустились, было уже три часа дня. Семья Цюй сидела в гостиной перед телевизором. Стоило им появиться, как лицо Цюй Фэна почернело. Он хлопнул по столу: «Вы наконец соизволили спуститься?!»

Нин Бучжэ спокойно отхлебнул чаю. Раз храбрый дядя уже высказал всё, что полагается, он мог продолжать играть роль любящего старшего брата.

Цюй Лянь хотел было оправдаться, но Янь Чангэ придержал его и ответил: «Дядя прав. Это я виноват — оказался слишком слаб. Процедура лечения Сяо Ляня отняла много сил, пришлось несколько часов медитировать в комнате для восстановления. Из-за моей неспособности Сяо Лянь тоже остался без обеда. Мне очень стыдно».

Цюй Фэн: «...»

Янь Чангэ так четко подчеркнул, что задержка вызвана заботой о здоровье Цюй Ляня, что злиться дальше означало бы быть неблагодарным. Пальцы Цюй Фэна задрожали от ярости. «Первое впечатление меня не подвело — этот парень ходячая проблема!»

Недовольство было подавлено аргументами Янь Чангэ. Пара поздравила старших и получила по четыре красных конверта (хунбао). Разница была лишь в том, что конверты Цюй Ляня были тонкими, а у Янь Чангэ — неприлично толстыми.

Вероятно, потому, что Цюй Ляню подарили банковские карты, а Янь Чангэ — пачки наличных, которые только выглядели внушительно, а на деле состояли из десяти-юаневых купюр.

Прожив две тысячи лет и впервые получив хунбао, Янь Чангэ был тронут и заинтригован. В прежние времена люди то украшали его лентами, превращая грозное оружие в подобие праздничного фонаря, то подносили дары, которые потом съедали слуги. Хуже всего было в военном лагере, когда владелец меча использовал его, чтобы забить свиней на праздничный ужин для солдат. Хорошо, что тогда у меча не было чувств, иначе он бы сгорел со стыда.

Бережно убрав конверты во внутренний карман, Янь Чангэ поклонился «старшим»: «В школе Древнего Меча нет традиции праздновать Новый год. Я впервые получаю хунбао. Оказывается, это так приятно — получать новогодние благословения. Спасибо вам всем».

Он сказал это так искренне, что Цюй Фэн, который специально набил конверт мелкими деньгами, даже слегка покраснел и лишь буркнул что-то в нос, решив про себя положить на Праздник Фонарей сумму побольше.

После поздравлений Янь Чангэ и Цюй Лянь присели на диван. Цюй Лянь сел рядом с Нин Бучжэ, и тот немедленно схватил его за запястье.

У Нин Бучжэ не было памяти, но даже будь она при нем, он мог не знать, что его попытка спасти брата в детстве так сильно подорвала здоровье Цюй Ляня. В тот момент Цюй Хуэй сделал всё, что мог, чтобы сохранить брату жизнь.

С вечера он места не находил от беспокойства. Все мастера боевых искусств немного смыслят в медицине, и он хотел проверить пульс брата. Но вчера Янь Чангэ слишком быстро утащил того наверх. Теперь же Нин Бучжэ сосредоточенно слушал пульс и прижал ладонь к даньтяню Цюй Ляня, проверяя внутреннее дыхание.

Его познания были средними, но отличить здорового человека от больного он мог. Через некоторое время морщины на его лбу разгладились. Он облегченно выдохнул: «По пульсу видно, что внутренняя слабость сохраняется, но её оберегает поток невероятно чистой и мощной внутренней силы. Когда Сяо Лянь полностью усвоит её, его здоровье станет крепче, чем у любого сверстника».

Это была истинная энергия, а не «внутренняя сила», но Нин Бучжэ, будучи мастером боевых искусств, не видел разницы. В конце концов, разница между ним и Янь Чангэ была слишком велика.

Семья Цюй окончательно успокоилась, и враждебность во взглядах на Янь Чангэ поутихла. Тетя и вовсе смотрела на него уже как на своего.

Нин Бучжэ серьезно обратился к Янь Чангэ: «Каждая частичка внутренней силы дается мастеру годами тяжкого труда. Та сила, что сейчас в Сяо Ляне, превосходит всё, что я накопил за жизнь. То, что ты сделал для него... наша семья безгранично тебе благодарна!»

Хоть они и признали друг друга лишь вчера, сегодня Нин Бучжэ уже не чувствовал никаких барьеров. Это был инстинкт: это его семья, и неважно, сколько длилась разлука и что осталось в памяти.

«Ты спас Сяо Хуэя, помог нам восстановить технику...» — Цюй Фэн поднял чашку чая. — «Семья Цюй в неоплатном долгу перед тобой. А раз ты с Сяо Лянем вместе, то теперь ты — часть нашего рода. Отныне судьба семьи Цюй и Янь Чангэ — едина!»

Янь Чангэ торжественно чокнулся чашкой с Цюй Фэном, и под удивленными взглядами присутствующих они осушили их до дна.

«Кха-кха! Кха-кха-кха!» — сразу после этого Цюй Фэн зашелся в яростном кашле.

Тетя обеспокоенно налила ему теплой воды: «Я же только кипяток долила, неужели тебе не горячо было?!»

«Горячо... кха-кха...» — Цюй Фэн с трудом проглотил теплую воду. Его язык стал пунцовым от ожога.

Цюй Жуй в шоке уставился на Янь Чангэ: «А тебе не обожгло?»

«Вполне терпимо», — скромно улыбнулся тот.

Как мог меч из метеоритного железа, выдерживающий тысячи градусов в горне, испугаться какого-то кипятка?

Несмотря на неловкость, Янь Чангэ наконец влился в семью Цюй. Постепенно этот добрый и

искренний клан принял его как своего.

Цюй Лянь, измотанный ночными бдениями, проголодался и, как только обстановка разрядилась, потащил Янь Чангэ обедать. После трапезы все вместе уселись смотреть повтор новогоднего гала-концерта — Янь Чангэ и Цюй Лянь его пропустили, а остальные вчера были слишком взвинчены, чтобы что-то воспринимать.

На сцену выходили звезды боевых искусств — не киноактеры, а настоящие мастера. И тут Янь Чангэ и Цюй Лянь увидели, как третий старейшина Ассоциации Боевых Искусств, Чан Исю, демонстрирует изящную технику легкости (цингун). Его слава ничуть не пострадала после ареста семьи Ван.

Увидев его, Цюй Лянь сжал кулаки. Янь Чангэ приложил столько сил, чтобы поймать преступников, едва не лишился человеческого облика, спасая свидетеля Ван Яньфэна, а этот человек по-прежнему купается в лучах славы, избежав правосудия.

Янь Чангэ накрыл кулак Цюй Ляня своей ладонью и успокаивающе сжал его: «Небеса всё видят. Его аура полна негативной энергии, рано или поздно законы мироздания настигнут его. Не злись зря».

Если даже такое божественное оружие, как Янь Чангэ, едва не развеяло прахом под ударом молнии, то Чан Исю — всего лишь смертный, ему не скрыться от возмездия.

Вслед за мастером на сцене появился фокусник. Глядя на него, Нин Бучжэ тряхнул головой и нахмурился: «Кажется... я видел этого человека. Но не помню где...»

«Где именно?» — тут же спросил Цюй Фэн, которого очень беспокоила потеря памяти племянника.

«Не могу вспомнить», — Нин Бучжэ наблюдал за быстрыми движениями рук фокусника, потирая переносицу. — «Эти руки... я помню эти руки...»

Когда фокусник привычным жестом щелкнул большим и средним пальцами, Нин Бучжэ замер. Его взгляд стал туманным, а когда он посмотрел на Цюй Ляня, в его глазах промелькнуло отчуждение.

Янь Чангэ мгновенно оказался рядом. Он быстро нанес несколько ударов по акупунктурным точкам на теле Нин Бучжэ, бесцеремонно вливая свою мощную кровавую ци в его каналы. Нин Бучжэ вздрогнул, и пробудившаяся ярость пробила барьеры подсознания, возвращая ему рассудок. Убедившись, что тот пришел в себя, Янь Чангэ отозвал энергию — обычный человек долго бы не выдержал.

«Я вспомнил его!» — голос Нин Бучжэ окреп. — «И этот щелчок... кто-то шептал мне на ухо, что когда я услышу этот звук, я всё забуду. Я только что едва не забыл вас всех! Если бы ярость к этому человеку не пробудила меня, я бы снова ничего не помнил».

Ярость была единственным подлинным чувством Нин Бучжэ к этому фокуснику, и Янь Чангэ лишь использовал свою темную энергию, чтобы всколыхнуть это чувство, подавленное лекарствами и гипнозом.

Тетя благодарно посмотрела на Янь Чангэ, но промолчала. Они и так задолжали ему слишком много, простое «спасибо» звучало бы слишком мелко.

«Вспомнил что-нибудь еще?» — спросил Янь Чангэ.

«Да!» — решительно кивнул Нин Бучжэ. — «Они кололи мне препараты, я был в тумане. Они испытывали технику семьи Цюй. Я рассказал часть, но самую суть утаил. И еще они задавали вопросы...»

Нин Бучжэ схватился за голову, лицо его исказилось от боли. Родные хотели остановить его, чтобы он не мучился, но тут Янь Чангэ схватил лежащую на диване чесалку для спины и с силой рубанул ею по воздуху. Огромный телевизор, не уступающий экрану в кинотеатре, мгновенно развалился пополам от мощнейшей энергии меча, а по остаткам корпуса пробежали странные электрические разряды.

«Путь Меча — это сокрушение преград и движение только вперед!» — Янь Чангэ поднял чесалку перед собой. — «Меч всегда прям и никогда не гнется. Тот, кто держит его, должен иметь непоколебимую решимость, чтобы стать истинным мастером. Если какие-то жалкие снадобья и гипноз способны сломить тебя — значит, ты недостойн владеть мечом Сюаньин!»

Наконечник чесалки в его руках бесследно исчез, оставив лишь идеально прямую рукоять. И неважно, что это было за вещь — в руках Янь Чангэ всё становилось Мечом!

Этот удар, словно «удар посохом» в дзен-буддизме, мгновенно протрезвил Нин Бучжэ. Почему он, потеряв память в подпольном клубе, выбрал себе имя Нин Бучжэ («Лучше сломаться, чем согнуться»)?

Потому что он был фехтовальщиком. Мечник скорее разлетится в прах, чем позволит сломать свой клинок!

—

Автору есть что сказать:

«Ты прав», — Нин Бучжэ взял из рук Янь Чангэ остатки чесалки и твердо произнес: «Я — Цюй Хуэй, единственный наследник Меча семьи Цюй!»

Чесалка для спины: «Ребят, а можно просто нормально поговорить?»

—

<http://bllate.org/book/14517/1285756>